

УДК – 811.512.145'33

ФУНКЦИИ И СЕМАНТИКА ПРОШЕДШЕЙ ФОРМЫ ГЛАГОЛА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ *-МАКЪТА ЭДИ* В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л. И.

В статье исследуются основные функции и семантика прошедшей формы глагола изъявительного наклонения – *макъта эди* в современном крымскотатарском языке. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре и семантике систему. Определена форма прошедшего времени на – *макъта эди*, которая относится к аналитическим формам прошедшего времени.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, морфология, глагол, семантика, прошедшее время.

Введение. Аффикс, послуживший основой для образования этой аналитической формы, - *макъта* интересен тем, что он представлен в тюркских языках, не соприкасавшихся между собой ни в период их становления, ни в процессе их дальнейшего развития: в азербайджанском, крымскотатарском, узбекском и уйгурском. Несмотря на это, форма на *-макъта* имеет всюду одинаковое содержание, которое в существующей тюркологической литературе получило достаточное отражение, за исключением крымскотатарского языка, материалы которого до сих пор не были привлечены в орбиту тюркологических исследований.

В наиболее древних памятниках она не отмечена, встречается в чагатайских и старотуркских памятниках, чаще всего - в памятниках среднеазиатского «тюрки». Как полагает А.А.Юлдашев, от «тюрки» шло самое интенсивное ее распространение на другие тюркские языки, например, она была широко представлена в татарском варианте «тюрки», через традиции которого проникла даже в литературный татарский язык начала XX века, всецело ориентированный на общенародный устный язык, затем эта форма полностью была вытеснена другой формой - на *-а эди*, сходной с ней по значению [1, с.151].

Для сохранения в крымскотатарском языке формы на *-макъта* и на ее основе создания аналитической формы, по-видимому, имело послужили контакты с узбекским, как письменным, так и устным языком в 40-90 годах XX столетия во время выселения крымских татар в Узбекистан.

Как отмечает А.Ходжиев [2, с.149], в современном узбекском языке эта форма (*-моқда эди*) характерна для книжного, письменного языка, для стиля докладов и торжественных выступлений и не употребляется в разговорной речи. В крымскотатарском языке тоже происходит подобное явление. Этим можно объяснить, например, редкое употребление этой формы в первом и втором лицах, в отрицатель-

ном аспекте, отсутствие ее в аспектах возможности и невозможности. В современном узбекском языке форма на *-мокъда*, послужившая основой для формы *-макъда эди*, которая обычно называется формой настояще-длительного времени, характерна для литературной нормы и употребляется, как отмечают узбекские лингвисты, главным образом, в языке прессы.

В чагатайском литературном языке эта форма наблюдалась только в отдельных памятниках, причем в единичных случаях в 3-м лице единственного числа она отмечена в «Огуз-намэ»: ... *Кэнаъ келиб коърди ким, бир шунъкъар къятнынъ ичаъгъусин йэмаъктаъ турур*. 'И вот, вернувшись сюда, увидел он: какой-то ястреб пожирает внутренности единорога'. В других лицах, а также во множественном числе эта форма и сейчас употребляется редко. После «Огуз-намэ» эту форму узбековеды встретили только у двух авторов, живших в различные века, - у Навои (15 век) и Муниса (19 век).

На вопрос о том, является ли форма на *-мокъда* исконно узбекской или нет, по мнению Ш. Шукурова возможен двойкий ответ:

1) она исконно узбекская;

2) она заимствована из других тюркских языков, очевидно, в староузбекский язык она проникла из огузской группы, но широкое распространение она получила в современном узбекском литературном языке [3, с.45-48].

Особенностью форм на *-мокъда* в узбекском языке является ее употребление только в форме положительного аспекта и невозможность образования от нее формы отрицательного и других аспектов [4, с.156].

А. М. Меметов и К. М. Мусаев форму на *-макъта эди* назвали «прошедшее длительное время» [5, с.217] и «прошедшее продолженное время» [6, с.226]. Значение продолженности действия в прошлом всегда присутствует в этой форме во всех примерах, извлеченных нами из письменных текстов.

Форма на *-макъта*, обычно в крымскотатарском языке выражающая настоящее продолженное время, сочетаясь с вспомогательным глаголом *эди*, выражает прошедшее время, обозначающее продолжение действия в определенный период до момента речи: *Толкъун башыны къоллары арасына алып, тирсеклерини столгъа тиреп, пенджеренден узакъкъа бакъып турмакъта эди* [7, с.132]. 'Упираясь локтями за стол и схватившись двумя руками за голову, Толкун смотрел (продолжал смотреть) из окна вдаль'. В разных ситуациях, эта форма выражает определенную или неопределенную длительность действия.

В этом примере сочетание *турмакъта эди* указывает на то, что действие продолжалось на некоторое время в прошлом (как настоящее в прошедшем). При этом, отрезок времени в нем не указан.

В примере перечислены три глагола, а вспомогательный глагол, к которому присоединяется форма на *-макъта эди* - *турмакъта эди*, находится при последнем глаголе, а предыдущие глаголы принимают форму деепричастия на *-п*.

Функционирующие формы прошедшего времени на -макъта эди

Эта форма состоит из сочетания аффикса имени действия на *-макъ*, называемого иногда в тюркологии «инфинитивом», который принимает аффикс местного падежа *-та* и служебного глагола *эди*.

Форма имеет два фонетических варианта:

1) после глаголов с заднерядным гласным в конце – *-макъта эди*, после основ с переднерядным гласным в конце – *-мекте эди*: *о,окъу+макъта эди* ‘он учился’, *о ишле+мекте эди* ‘он работал’.

Вся модель этой формы прошедшего времени состоит из структуры: глагол+макъта+эди. Глагол в этой форме выполняет четыре грамматические функции:

1) обозначение прошедшего времени;

2) выражение третьего лица, для обозначения форм других лиц требует присоединения соответствующих аффиксов лица;

3) обозначение единственного числа, для обозначения форм множественного числа необходимо присоединить соответствующий аффикс;

4) выражает также форму положительного аспекта, для образования других форм аспектов: отрицательного, возможности, невозможности и вопросительного, требует присоединения определенных служебных элементов.

При спряжении к этой форме присоединяются аффиксы лица второй группы (подробно см. форму на *-гъан эди*), которые одинаковы для всех аналитических форм прошедшего времени с *эди*.

Парадигма спряжения формы на *-макъта эди*
в положительном аспекте

Единственное число Множественное число

1л. *-макъта эди+м -макъта эди+к*

2л. *-макъта эди+нъ -макъта эди+нъиз*

3л. *-макъта эди -макъта эди(+лер)*

Спряжение глаголов *бакъ-* ‘смотреть’

и *кулюмсире-* ‘улыбаться’ в форме на *-макъта эди*

Единственное число

1л. *мен бакъ+макта эди+м* ‘я смотрел (наблюдал) определенное время’

2л. *сен бакъ+макъта эди+нъ* ‘ты смотрел определенное время’

3л. *о бакъ+макъта эди* ‘он смотрел определенное время’

Множественное число

1л. *биз кулюмсире+мекте эди+к* ‘мы улыбались определенное время’

2л. *сиз кулюмсире+мекте эди+нъиз* ‘вы улыбались определенное время’

3л. *олар кулюмсире+мекте эди(+лер)* ‘они улыбались определенное время’

В третьем лице множественного числа присутствие аффикса множественного числа является факультативным. Главной сферой функционирования формы на *-макъта эди* является третье лицо. В других лицах она употребляется весьма редко.

Отрицательный аспект редко встречается в языке, он образуется присоединением к глагольной основе перед аффиксом *-макъта* безударного аффикса с вариантами *-ма/-ме*: *биз бакъ+ма+макъта эди+к* ‘мы не наблюдали долго’, *сиз кулимсире+ме+мекте единъиз* ‘вы не улыбались долго’.

Вопросительный аспект образуется от формы положительного аспекта посредством аффикса, подчиняющегося только закону нёбной гармонии: *-мы* после глаголов с заднерядным гласным и *-ми* – после основ с переднерядным гласным. Он присоединяется к форме *-макъта*, а *эди*, принимающий аффиксы лица и числа, остается

без изменения: *сен бакъ+макъта+мы эди+нъ?* ‘ты тогда наблюдал?’, *о кулюмси-ре+мекте+ми эди?* ‘он тогда улыбался?’ В этом крымскотатарский язык отличается от языков, в которых аффикс отрицания присоединяется к *эди*.

Об употреблении данной формы в формах других аспектов глагола можно говорить, в основном, теоретически, практически она употребляется редко. На употребление формы *-макъта эди* в аспектах возможности и невозможности нам не удалось найти примеров из художественной литературы.

Семантика формы на -макъта эди

Форме на *-макъта эди* также свойственны парадигматические и синтагматические семы, свидетельствующие о широкой употребительности этой формы.

Парадигматические семы:

1. Обозначает как и все формы прошедшего времени, действие или состояние, которое совершилось в прошлом, до момента речи.

Действие: *Тынчлыкъта аякъ давуилларынынъ дюкюльдиси биле узакъкъа эшитильмекте эди* [8, с.43]. ‘В этой тишине даже звуки шагов были слышны далеко-далеко.’

Состояние: *Эр кес орта бойлу, эслидже, устюнде мавы орме костюми олгъан къызгъа бакъмакъта эди* [9, с.66]. ‘Все смотрели на взрослую девушку среднего роста, одетую в голубой вязаный костюм’

2. Достоверность обозначаемого действия и состояния. В этом значении эта форма сближается с большинством форм прошедшего времени, в особенности – с аналитическими формами с *эди*, а также с формой прошедшего категорического времени на *-ды*, и отличается от формы на *-гъан*. *Ананынъ къуванчнен толу юреги сыкъ-сыкъ урмакъта эди* [10, с.15]. ‘Сердце матери наполненное счастьем, учащено билось’.

3. Отнесенность обозначаемого действия и состояния к полностью истекшему периоду. По этой семе данная форма объединяется со всеми аналитическими формами прошедшего времени изъявительного наклонения, содержащими в своем составе служебный элемент *эди*. *Къаршысында узун бойлу, отуз-отуз беи яшларында бир адам турмакъта эди* [11, с.88]. ‘Перед ним стоял высокий человек тридцатитридцати пяти лет’.

4. «Самым ярким моментом» среди сем этой формы является значение незаконченности обозначаемого ею действия, отмеченное всеми исследователями по тюркским языкам. Некоторые тюркологи считают это значение единственным различительным признаком формы на *-макъта эди* [12, с.152]. По данному своему значению эта форма противопоставляется формам, обозначающим законченное действие, в частности, форме на *-гъан эди*. По этому же значению форма на *-макъта эди* объединяется с другими формами имперфекта, несмотря на то, что они не заменяют друг друга. *Акъикъатен де энди баягъы вакъыт, эксери адамлар раатлыкъ багъчасындан чыкъмакъта эдилер* [13, с.36]. Действительно, уже большинство людей выходило из парка отдыха. В этом примере незаконченность действия выражена даже с предельным глаголом *чыкъ-* ‘выходить’. *Эди* принимает аффикс множественного числа, этим происходит согласование с подлежащим *адамлар*.

В выражении конкретных сем определенную роль в тюркских языках играет принадлежность исходного глагола к числу предельных: *кет-*, *чыкъ-* и т.д. и неопредельных: *тур*, *яша* и т.д. Особенно это относится к семе «длительность». В крымскотатарском языке, как видно из примера, это не имеет особого значения.

Синтагматические семы формы на -макъта эди:

1. «Длительное действие» – это распространенное название основного значения формы на *-макъта эди* в исследованиях тюркских языков. Однако это следует считать одним из синтагматических значений этой формы. «Длительность» характерна и для ряда других аналитических форм прошедшего времени: *-а эди*, *-р эди*, формы на *экен* и др. Как и другие формы прошедшего времени, данная форма также может обозначать действие самой различной длительности, которые привносятся обстоятельными словами, оборотами, предложениями, в самой же форме подобная сема отсутствует.

Как подчеркивал А.А.Юлдашев, термин «длительный» исследователями языка понимается в трех значениях: одни подразумевают незаконченность, другие – продолжительность во времени: непрерывность, непрестанность, третьи – процессуальность [14, с.152]. *О исе, къалын дудакъларыны сувландырып, козлерини къысып, кулюмсиремекте эди* [15, с.43] ‘Он же, смочив свои толстые губы и прищурился, продолжал (слашаво) улыбаться’. Действие в этом примере происходило непрерывно, процесс продолжался, пока присутствующие наблюдали за человеком, во время наблюдений действие не закончилось.

Продолжительность действия в определенный момент относится и к явлениям природы, поэтому это – не длительность, а продолжительность: *Мавы кок ортюсининъ бир четини йырттып, ер юзюне адсыз-эсапсыз ал ренкли чызыкълар чызаракъ, танъ ярыкъланмакъта эди* [16, с.15]. ‘Оборвав краешек покрывала синего неба и, зарисовывая сень земли бесчисленными розовыми полосами, начала освещаться утренняя заря’. В этом примере показано, как долго восходила заря – в определенное время, отсутствует подчеркнутое значение непрерывности или многократности действия. Действие не завершено, оно только началось.

Козълери тюшюнджели бакъмакъта эдилер [17, с.66]. ‘Его глаза смотрели задумчиво’. Действие происходило в какой-то момент коммуникации в прошлом.

2. Настоящее время, перенесенное в прошлое, обычно выражается имперфектными глаголами. Как подчеркивал А.Н.Кононов в отношении узбекского языка, форма на *-мокта эди* – это форма настоящего времени, перенесенная в прошедшее время [18, с.184-185]. В другой своей грамматике турецкого языка он писал, что эта форма выражает «длительное действие в настоящем, но не переходящее в постоянное», характеризует «развитие действия по признаку длительности» [19, с.208-230]. *Онынъ огюнде, буюк ярнынъ тюбюнде, тар демир елчыкънынъ кенарында, сув электрик станциясы бинасынынъ котлованы джаилмакъта эди* [20, с.30]. ‘Перед ним, под большим обрывом, на краю узкой железной дороги, расположилось здание водяной электростанции’. В этом примере выражено не действие, а состояние, которое может быть отнесено и к настоящему времени.

3. Аффикс *-макъта*, представляющий собой исходный элемент для формы на *-макъта эди*, характеризует обозначаемое ею действие как совпадающее по времени

с актом коммуникации – моментом речи, без уточнения его завязки, развязки. С этим тесно связано выражение формой на *-макъта эди* значения, близкого к настоящему времени:

О, агъыр-агъыр нефес алмакъта эди [21, с.11]. ‘Он дышал прерывисто и очень тяжело’. В этом примере не указано другое действие, на фоне которого происходит действие формы на *-макъта эди*. Также как оно отсутствует в следующем примере: *О адамнен бир ода ичинде яшамакъта эдилер* [22, с.93]. ‘Он жил с тем человеком в одной комнате’. Но в обоих случаях подразумевается наличие второго действия, по времени совпадающего со временем действия глагола в форме на *-макъта эди*. Во втором примере выражено состояние.

Указание на процессуальность, совпадающую с актом коммуникации, исключает возможность ее образования от ряда категорий глаголов. Как отмечает А. А. Юлдашев, в составе структуры *-макъта эди* начальная форма *-макъта* сохраняет свое первичное значение и поэтому эта форма не может образовываться от всех глаголов [23, с.154].

4. Начало действия. *Кок юзюни сия булутлар къаплап алмакъта эди* [24, с.134]. ‘Все небо охватили черные тучи’.

В современных тюркских языках значение формы на *-макъта эди* совпадает в преобладающем большинстве случаев со значениями формы имперфекта на *-р эди*, это очень близкие по значению формы, хотя и не тождественные. «Различие и даже противопоставленность этих форм между собой заключается прежде всего в том, что форма на *-макта эди* неизменно характеризует обозначаемое ею действие как единичное, форма же на *-р эди* – как типичное, причем она сама по себе придает значение типичности перфектным глаголам. Форма на *-макта эди* обычно не образуется от глаголов содержащих значение типичности или приобретающих его с помощью контекста, тогда как форма на *-р эди* от этих глаголов возможна форма на *-макта эди* выражает совпадение времени совершения действия с моментом его фиксации, в форме на *-р эди* нет значения фиксации момента действия» [25, с.154]. При этом следует подчеркнуть, что форма на *-р эди* по своему происхождению, безусловно, является более древней, чем форма на *-макъта эди*. Это в полной мере относится и к крымскотатарскому языку. *Эвде Алиме Каримовнаны эки телеграмма беклемекте эди* [26, с.54]. ‘Дома Алиме Каримовну ждали две телеграммы’. В этом примере по контексту форму на *-макъта эди* можно было бы заменить формами на *-р эди*, *-а эди*. В последнем примере действие происходит непрерывно в момент прихода героя. Действие - поступление телеграммы произошло до момента наблюдаемого состояния - ожидания.

Выводы. Как видно из описания формы прошедшего времени на *-макъта эди*, она отличается довольно большим разнообразием семантики.

В крымскотатарском языке в близких значениях находятся три формы прошедшего времени: *-а эди*, *-р эди*, *-макъта эди*. В современном языке они являются как бы конкурентами. Идет процесс специализации форм. Намечается определенная тенденция замены формы на *-макъта эди* формой на *-а эди*, которая получила большее распространение в современном языке, чем первая.

Список литературы

1. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках [Текст]. – М., 1965.- 190 с.
2. Хожиев А. Фъел [Текст]. - Ташкент, 1973. – 160 с.
3. Шукуров Ш. История развития глагольных форм узбекского языка [Текст]. Изд-во «Фан». – Ташкент, 1966.- С.45-48
4. Шукуров Ш. История развития глагольных форм узбекского языка [Текст]. Изд-во «Фан». – Ташкент, 1966. – 170 с.
5. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч.І. Общие сведения о языке. Ч. ІІ. Морфология. Учебное пособие [Текст]. – Симферополь, 2003.-288 с.
6. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч.І. Общие сведения о языке. Ч. ІІ. Морфология. Учебное пособие [Текст]. – Симферополь, 2003.- 288 с.
7. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
8. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
9. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
10. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
11. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [Текст]. Морфология. – М., 1988.- 368 с.
13. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
14. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках [Текст]. – М., 1965.- 190 с.
15. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
16. Осман А. Тутушув: Повестлер, икяелер [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешр., 1988.-400 с.
17. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
18. Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка [Текст]. – Ташкент, 1948.- 240 с.
19. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка [Текст]. – М.-Л. 1956.- 569 с.
20. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
21. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
22. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
23. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках [Текст]. – М., 1965.- 190 с.
24. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
25. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках [Текст]. – М., 1965.- 190 с.
26. Умеров Э. Йылдызларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.

Бекирова Л. И. **Функції і семантика минулої форми дієслова дійсного способу -макъта еді в сучасній кримськотатарській мові**

У статті досліджуються основні функції і семантика минулої форми дієслова дійсного способу – макъта еді в сучасній кримськотатарській мові. В ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові являє складну і багатобразну за граматичною структурою та семантикою систему. Визначена форма минулого часу на – макъта еді, яка відноситься до аналітичних форм минулого часу.

Ключові слова: кримськотатарська мова, морфологія, дієслово, семантика, минулий час.

Bekirova L. I. **Functions and semantics of the last form of verb of indicative of -makta edi are in a modern Crimean Tatar language.**

Basic functions and semantics of the last form of verb of indicative are explored in the article – makta edi in a modern Crimean Tatar language. It is set during research, that a category of past tense of indicative in a Crimean Tatar language is difficult and varied on a grammatical structure and semantics system. The form of past tense is certain on – makta edi, which behaves to the analytical forms of past tense.

Key words: Crimean Tatar language, morphology, verb, semantics, passing time.

Стаття постуила в редакцію 27.08.2009 г.